

верным Д. Юму. А. Мейнонг не может представить в качестве основания «практических предписаний» априорное понятие свободы, напротив, это понятие свободы напрочь исключается, так как мир предметов ценностных суждений представляет собой определенную иерархию «достоинств», связанных с действительностью, эмоциональным миром — не только с духом, но и с душой. Стоит отметить, что эта часть теории А. Мейнонга чаще остается без внимания или малоисследованной, во многом благодаря той полемике вокруг нее, которая была развернута Б. Расселом.

1. Виндельбанд В. От Канта до Ницше. М., 1988.
2. Цвейг Ст. Гельдерин : собр. соч. : в 7 т. М., 1963. Т. 6.
3. Юм Д. Соч. : в 2т. М., 1966. Т. 1.
4. Haller R. Forchung fuer Ousterreich Philosophie. Amsterdam, 1979.
5. Landauer G. Skepsis und Mystick [Electronic resource]. URL: [http:// www.penzberg.de/mauther/land.html](http://www.penzberg.de/mauther/land.html).S. 3 of 7
6. Mauthner F. Wahrhet und Skepsis [Electronic resource]. URL: <http://www.penzberg.de/mauthner/friz6.html>.4 of 6.
7. Mauthner F. Sprachkritik. Skepsis. Mystik [Electronic resource]. URL: <http://www.penzberg.de/mauthner/spraki.html> 5.
8. Mauthner F. Sprachkritik. Skepsis. Mystik [Electronic resource]. URL: <http://www.penzberg.de/mauthner/spraki.html>.
9. Mauthner F. Sprache und Leben. Salzburg ; Wien, 1986.

Рукопись поступила в редакцию 15 ноября 2011 г.

УДК 130.2:8 + 140.8

Д. В. Пивоваров

ЯЗЫК И МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ИДЕИ Ф. МАУТНЕРА И Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

В статье кратко анализируются основные философские проблемы, касающиеся природы языка и связи языка с мировоззрением людей. Эти проблемы стали особенно актуальными после «лингвистического поворота» в философии в начале XX в. Оценивается вклад в развитие лингвофилософии таких видных австрийских философов, как Фриц Маутнер и Людвиг Витгенштейн.

Ключевые слова: язык, знак, значение, смысл, языковая картина мира, грамматический аспект мироотношения.

Особо острый теоретический интерес к теме языка, знака и символа возник в начале XX в. в связи с бурным развитием аналитической философии и философии языка, а к середине XX в. «лингвистический поворот» и языковая революция оказались тесно связанными с неклассическим стилем мышления и критикой картезианского *cogito*. По словам Л. Витгенштейна, «весь туман

философии конденсируется в каплю грамматики» и «вся философия есть критика языка».

Сегодня генеральная философия развивается преимущественно в духе критической философии языка. Важный вклад в развитие лингвофилософии, несомненно, внесли такие видные австрийские философы, как Фриц Маутнер (1849–1923) и Людвиг Витгенштейн (1889–1951). Вначале обсудим самые общие проблемы природы языка, связи языка с мироотношением и культурой. Затем изложим наиболее ценные, на наш взгляд, лингвофилософские идеи Л. Витгенштейна и Ф. Маутнера.

I

Язык (равно как и религия) является отличительной особенностью человека. Животные тоже устанавливают взаимосвязи с помощью различных сигналов, но их сигналы выполняют крайне узкие утилитарные функции. Язык же человеческих индивидов обладает громадным творческим потенциалом и способен производить необозримое количество разнообразных смыслов.

Язык есть часть культуры: знаки и символы входят в состав важнейших ее феноменов. Люди говорят о чем угодно, на любую тему, далеко выходящую за сферу утилитарных ценностей. Язык универсален, касается любых утилитарных и неутилитарных тем и сюжетов, безгранично ассоциативен и необычайно продуктивен. Участвуя в целеполагании, язык накладывает свой неизгладимый отпечаток на характер ориентации человека в окружающей среде, на формы коммуникации людей, на содержание оценок достигаемых ими результатов. Языковая картина мира является одной из сторон процессов распределения и опредмечивания образов сознания, она опосредует взаимосвязь идеального и материального в человеческой деятельности.

«Бытие, которое может быть понято, есть язык» (Х.-Г. Гадамер). Благодаря употреблению языка космические и надмировые сущности виртуально перемещаются в интимный мир человека, предстают его внутреннему взору в виде ансамбля квазиобъектов, предельно ценных в духовном плане, — знаковых моделей и симулякров, образованных посредством звуков, жестов или графов. Речевые операции с такого рода квазиобъектами интериоризируются в живые образы сознания. Поэтому дух людей всегда «отягощен материей их языка» (К. Маркс и Ф. Энгельс).

То, что выражено знаком, обретает существование в нашем сознании и способно менять нас. Критикуя традиционное представление о подчиненности языка сознанию, структурализм открыл собственное бытие языка и отстаивал тезисы об автономии языка и о власти языковой реальности: а) не человек овладевает языком, а язык человеком; б) законы мышления первично обусловлены строением и правилами языка. В этом смысле личное сознание не есть изначально *tabula rasa*; оно сконструировано при помощи социального языка и сохраняет языковую детерминированность.

Заметим, что в грамматологии Ж. Деррида вещам отказано в объективной самости; они превращены в текст, коды, символы самих себя. Постструктурализм

трактует культуру как продукт игры знаков, которые оторваны от своих референтов, действуют по собственным правилам и творят множество равносильных реальностей. Причем создаваемые знаками различные реальности неподконтрольны разуму (власть над ними узаконена средствами самого «играющего» языка), а апелляция к реальности не обладает силой «последнего аргумента».

Через манипулирование массовым сознанием язык тиранически подчиняет индивида обществу (Ортега-и-Гассет). Нередко язык может становиться препятствием для умственной деятельности. Ф. Бэкон, как известно, призывал бороться с «идолами площади» (*idola fori*), не преувеличивать значение слов в познании природы. «Слова, — писал он, — прямо насилуют разум, смешивают все и ведут людей к пустым и бесчисленным спорам и толкованиям» [1, 20]. В постиндустриальном мире символический инструментарий стал самым широко используемым средством массовой культуры, идеологии и политики.

Язык «вообще» — это текст, т. е. любая система условных письменных или устных знаков, при помощи которых люди познают мир, вступают между собой в общение в качестве членов социальных групп и субъектов культуры. Понятие текста сегодня широко определяется как: а) любое потенциальное обращение к людям; б) центр множества комментариев («событие»).

Существуют конкурирующие дефиниции понятия «язык». Например, английский филолог Г. Свит определил язык как выражение идей посредством речевых звуков, объединенных в слова; слова образуют предложения, и их комбинация похожа на соединение идей в мысли. Американские лингвисты Б. Блох и Дж. Л. Трэйгер отстаивали альтернативную дефиницию, согласно которой язык есть система произвольно взятых вокальных символов, посредством которых социальная группа добивается кооперации своих членов. В первой дефиниции внимание акцентируется на идеальной стороне языка (мысль), во второй — на материальности языка (произвольные речевые символы).

Если исходить из определения Свита, то в языке нас прежде всего должен интересовать не столько материальный субстрат его знаков, сколько обозначаемые им идеи (значения и смыслы знаков). Исходя же из второго определения, в языке нужно в первую очередь изучать саму «материю» ее символов, внешний вид знаков, лингвистическую составляющую ее текстов. В конечном счете в лингвофилософии, по-моему, полезны оба подхода.

Речь репрезентирует умственный опыт, а письмо — речь (Аристотель). Все может быть в принципе выражено языком и функционально превращено в текст. М. Хайдеггер космологизирует язык и утверждает в своей книге «Время и бытие»: язык есть дом бытия; в жилище языка обитает сам человек, мыслители и поэты — хранители этого жилища; язык есть просвет во мраке сущего; язык приобщает нас к бытию самого мироздания. Перефразируя знаменитую метафору Хайдеггера «Язык есть дом Бытия», можно сказать: «Язык религии есть храм Абсолюта». Язык вездесущ, в особенности сегодня, когда реальный мир все больше заслоняется виртуальным миром средств массовой коммуникации.

Дж. Локк ввел термин «знак» в отношении слова как основной единицы языка: знаки суть символы наших идей. Лейбниц добавил: слова — это символы идей и вещей, так что существует двойственная зависимость знаков от

идей и обозначаемых предметов. Американский мыслитель Ч. С. Пирс, один из основоположников философии прагматизма и семиотики, сформулировал следующее классическое определение всякого знака, будь то слово или запаховый медиатор: знак есть такой предмет x , который замещает субъекту (интерпретатору) некоторый другой предмет y по признаку (отношению) R . В принципе любой предмет может стать знаком, если договориться подставлять его мысленно, по формуле « $x(R)y$ », вместо какого-нибудь другого предмета.

Например, горшок с геранью на подоконнике для обычного прохожего не более чем цветок, но для знающего условие появления этого цветка на подоконнике он может служить знаком того, что, допустим, хозяина нет дома (либо что хозяин сейчас занят, либо что явка провалилась и пр.). В этом смысле мир как целое или любая его часть мысленно раздваивается в сознании интерпретатора на чувственно данные предметы-знаки и сверхчувственные значения этих знаков. Так, вселенная и небеса предстают в сознании монотеиста или астролога универсальным гипертекстом — книгой, написанной Богом, о значениях которой следует справляться в Писании.

Семиотическую структуру знака обычно составляют из референта и значения. В «треугольнике» немецкого математика и философа Г. Фреге в структуре знака включены референт, имя и значение; имена (символические универсалии) стоят по ту сторону и от значений, и от реальности; референт имени не всегда имеет объективно-реальное существование (русалка, леший). Единицами языка чаще служат слова и предложения, а из них складываются тексты различной длины. Мир живого языка представляет собой относительно автономную иерархическую систему, элементами которой на разных уровнях выступают фонемы, морфемы, предложения, а структурирующими принципами — многообразные и специфические для каждого уровня членения языка алгоритмы речевой деятельности. Начиная с предложений значения знаков определяются уже не только местоположением в языковой иерархии, их референты могут находиться и во внеязыковой сфере.

Потенциальный смысл любого знака укоренен, во-первых, в его отличии от других знаков; во-вторых, в том, что один знак отсылает к другому. Актуальный смысл знака определяется его особым местом в некотором тексте. Слово, предложение и текст — сложные знаки. Оперирование такими знаками лежит в основе вербально-логического мышления. Другие виды мышления (визуальное, аудиальное, тактильное, запаховое и вкусовое) основаны на знаках иной модальности, а именно на графемах и символике цвета, музыкальных аккордах, осязательных комплексах, букетах запахов и вкусов (Л. С. Выготский).

Создавая логическую семантику, Г. Фреге обобщил все существующие дефиниции «значения» следующим образом: значение знака есть все то, что можно обозначить знаком, т. е. всякий предмет, будь то вещь, свойство, отношение или связь; при этом обозначаемый предмет может иметь любую форму существования: пребывать в объективной реальности, в личном сознании, в сфере контакта субъекта и объекта. В отличие от «значения», ориентированного на объект высказывания, «смысл» по Фреге, есть специфическая явленность объекта субъекту. Фреге пояснил: значение слова *Венера* — это сама планета Венера,

смыслы же этого слова — суть «звезда утренняя» и «звезда вечерняя». Выходит, смысл есть освоенное значение. А. Ф. Лосев выделил такие оболочки смысла имени, как фонема, семема, этимон, морфема, симболон, ноэма, идея, энергема, интеллигенция и др. (всего 67 категорий).

Проблема генезиса смысла представлена следующей дилеммой: а) смысл вычерпывается субъектом из объекта («семантический фетишизм»), значит, все потенциально мыслимые вещи изначально наделены смыслом; б) именно субъект придает смысл объекту («семантический креационизм»), но неизвестно, откуда он свой смысл берет. Например, применительно к религиозному сознанию эта дилемма формулируется так: а) вера (христианина, мусульманина и т. д.) есть объективно-истинное отражение оригинала; б) верующий сам придает смысл тому, во что верует. В первом случае только какая-то одна вера истинна, а во втором — всякая вера имеет оценочно-субъективный характер и не имеет никакого отношения к гносеологической истине.

Основной вопрос философии языка формулируют как проблему соотношения языка и мышления, и в первую очередь как проблему связи слова и понятия. Что первично — язык или мысль? Что из них является причиной, а что следствием? На этот вопрос отвечают по-разному. Богословы-спиритуалисты считают язык онтологически вторичным и выводят его из первичности Абсолютного Духа; при этом главным методом поиска трансцендентных значений слов объявляется мистическая интуиция. Так, православный языковед В. Д. Кудрявцев-Платонов учил, что Дух Божий наделяет человека благодатью чистого разума, разум рождает мысль, а мысль ищет и находит себе внешнюю плоть в виде слова; таким образом, чистая мысль существует в живом человеческом теле прежде слов и независимо от них. В загробной жизни развоплощенная человеческая душа связана с Богом бессловесно-интуитивно. Логический пантеист Гегель дедуцировал природу мысли из самодвижения абсолютной идеи: человеческая мысль онтологически первична по отношению к слову, она изначально имеет чисто логическую внеязыковую природу, а язык есть продукт мысли, предназначенный быть только средством выражения мысленного содержания; отсюда и главный гегелевский метод анализа языка и его значений — логическая дедукция.

Напротив, В. Гумбольдт переносил акцент на первичность этнических душевных процессов и ориентировался на психологический подход. Он отождествлял язык с духом этноса («...дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное»), усматривая в языке тот орган, который образует мысль. Вслед за Гумбольдтом А. А. Потебня считал, что язык не выражает, а создает мысль через свою внутреннюю грамматическую форму. Потебня исходил из ассоциативной психологии и сенсуализма Локка; он был убежден в том, что исходной точкой мысли является восприятие явления, непосредственно действующего на чувства, и что первоначальным языком чувств выступает членораздельный звук.

Для философии языка традиционна оппозиция онтологической и конвенциональной концепций. Согласно онтологическому подходу имена даны предметам по природе, и имя соответствует означаемому им предмету. Парменид доказывал, что все, о чем мы говорим и думаем, должно обладать бытием, но

невозможно говорить и думать о чем-то несуществующем. Прокл писал о позиции Пифагора: «...образовать имена (вещей) не может всякий, кому вздумается, но (лишь тот), кто видит ум и естество сущего. Итак, имена — по природе». Стоики учили, что знание истинного значения (*etimon*, этимологии) имени позволяет узнавать сущность предмета. «Познаем не по сущностям, а по именам», — утверждал Василий Великий.

Отвергая подобный натурализм, Демокрит заявлял, что «...имена по случаю, а не по природе» и что связь между именами и вещами не естественна, а конвенциональна, поскольку омоним обозначает разные сущности, а синонимы суть разные имена одной и той же вещи. В конвенциональной концепции наименование рассматривается как решение «по установлению, договору»: имя не субстанциально и не имманентно предмету, а обусловлено сознанием. В диалоге «Кратил» Платон обостряет оппозицию онтологизма и конвенционализма.

Аргументы спорящих сторон относительно взаимосвязи языка, мышления и реальности по сей день уравнивают друг друга. Поэтому, похоже, дилемма онтологизма и конвенционализма остается вечной. Также острым остается противостояние онтологии (опирающейся на логику) и грамматики. Постоянный спор между логикой и риторикой основан на контрасте логического и метафорического.

Нет мысли вне языка; мысль рождается и совершается только внутри процесса речевой деятельности, в канве операций со знаками языка. В XIX в. В. Гумбольдт выдвинул гипотезу о том, что любой язык содержит скрытую метафизику, не столько выражая мысль, сколько ее обуславливая и формируя. Спустя столетие эту идею в России развивал А. А. Потебня. К. Ясперс ввел термин «языковая картина мира».

В XX в. американские лингвисты Э. Сепир и Б. Уорф выдвинули спорную «гипотезу лингвистической относительности», в которой был предельно усилен тезис о прямой взаимообусловленности языка и мышления: национальные типы мышления настолько различны, насколько несхожи между собой их материальные оболочки — этнические языки. «Мы расчленим природу в направлении, подсказанном нашим родным языком», — писал Б. Уорф [2]. Из различий метафизического содержания этнических языков следует невозможность их точного взаимоперевода. С этой точки зрения, например, термины русского православия невозможно точно передать в терминах англиканства и наоборот.

Знак всегда есть знак чего-то иного, отношение между своей плотью и инобытием. Знак есть разновидность явления как проявления невидимой сущности. В свете расширенной операционалистической концепции языка основной вопрос лингвофилософии видоизменяется. В этой концепции психическое восприятие материи знака, грамматика языка, логика мышления и интуиция трансцендентных духовных значений не берутся в качестве четырех отдельных и независимых друг от друга абстрактных объектов, а рассматриваются как внутренние, нераздельные и взаимозависимые стороны единой языковой реальности.

Язык, по нашему мнению, нужно понимать как внутреннее функциональное отношение между следующими четырьмя сакрализованными переменными:

- 1) материальностью членораздельных звуков, письменных знаков, жестов;

2) снятым в чувственной данности знаков инобытием референтов (последние играют роль объективных, потусторонних и сверхчувственных значений символов);

3) мышлением-речью субъекта-интерпретатора, которое протекает в форме умственных операций с символами и извлекает из «речеоперативных сечений» значений объект-языка индивидуальные смыслы субъект-языка;

4) интуицией, сопологающей извлекаемые индивидуальным мышлением смыслы знаков с их трансцендентными значениями в объект-языке религии (а в конечном счете — в трансцендентном объективном мире).

II

Описанные выше проблемы лингвофилософии своеобразно преломлены, конкретизированы и решались такими австрийскими философами, как Ф. Брентано, Ф. Маутнер, Л. Витгенштейн, К. Поппер, П. Фейерабенд и др. Речь далее пойдет о лингвофилософских идеях Витгенштейна и Маутнера.

Лингвофилософские идеи Л. Витгенштейна. Людвиг Витгенштейн, австрийско-британский философ, вначале примыкает (в своей книге «Логико-философский трактат», 1921) [3] к расселовскому «логическому атомизму» и проводит мысль о том, что язык представляет собой «проективное изображение» реальности. Его главные тезисы таковы:

— мир — совокупность фактов, а не предметов. Факт — существование «событий», а «со-бытие» — связь объектов. Объект прост, он не может быть составным. Мы создаем для себя картины фактов. Картина — модель действительности (термин «картина мира» придуман Витгенштейном). Мысль — логическая картина факта;

— язык находится с миром в отношении отображения. Любая «картина», составленная знаками, отображает внешний мир каким-то неизвестным — мистическим — способом. Знаки языка изображают то, что они представляют. Мы изготавливаем факты из изображений. Простой факт придает истинность или ложность простому предложению, а молекулярный факт составлен комбинацией простых фактов, делающих истинными или ложными молекулярные предложения;

— границы мира, мышления и языка совпадают. Границы моего мира суть границы моего языка. Речь может отображать только факты, которые образуют реальный мир. Следовательно, бессмысленно говорить о трансцендентном. Язык религии в той его части, где его соотносят с внемирным бытием, не может служить инструментом выражения какого-либо смысла;

— поскольку «Бог не являет себя в мире», то существует невысказываемое, мистическое, высшее — то, что извне придает миру смысл. Хотя высшее невыразимо, его все же можно как-то заметить и почувствовать. Бог не выражается предложениями, но «угадывается» через жизненный опыт.

«Трактат» завершается знаменитой фразой «То, что вообще можно сказать, можно сказать ясно, а то, о чем нельзя говорить, должно хранить молчание» [4, 14]. В этой фразе многие комментаторы усматривают намек раннего

Витгенштейна на то, что, поскольку невозможно осмысленно говорить о мистическом, Божеству надо поклоняться молчаливо.

В 1930-е гг. Витгенштейн отказывается от логического атомизма и поисков совершенного простого языка для истинного описания мира. В работе «Философские исследования» (1952; опубликовано посмертно) он предлагает методiku «языковых игр»:

— язык не просто собрание имен и названий, а активность, т. е. часть нашей жизни и ее истории. Язык — это игра, которую можно прочесть с помощью разных стратегий. Языковая игра есть модель коммуникации и набор правил построения непротиворечивых контекстов. Каждая игра позволяет произвольно, но строго описать факт, спланировать модель поведения;

— значение слова есть его употребление. Повседневный язык мы учим так же, как учимся играть, например в шахматы. У каждой игры есть свои правила, игроки, зрители, пространство, время и судьбы. Все языковые игры равноправны. Не нужно правила одной игры навязывать другим играм. Например, правила научной игры вовсе не лучше правил языков религии или морали. Путаница возникает, когда «язык пущен на самотек»;

— философские рассуждения часто основаны на злоупотреблениях в использовании повседневного языка, когда незаметно расширяют границы принятого употребления слов. Концептуальную бессмыслицу можно преодолевать путем возвращения от метафизической манеры к повседневному правильному употреблению ключевых терминов;

— «философов, использующих слова “знание”, “бытие”, “объект”, “я”, “позиция”, “имя” в попытке уловить сущность вещи, следует постоянно спрашивать: было ли данное слово когда-нибудь эффективно использовано в языке, считающемся родиной этого слова? <...> ...Значение слова — это его употребление в языке. А значение имени иногда объясняет, указывая на его носителя... Философ лечит вопрос: как болезнь» [5, 99, 174].

Эти идеи Витгенштейна конкретизировали П. Донован, Н. Смарт, Дж. Серль и др. Во второй половине 60-х гг. Кай Нильсен ввел в оборот термин «витгенштейнианский фидеизм». «Этот термин прижился в философии религии, и его широко используют для обозначения определенной позиции, связанной с концепцией, которая провозглашает религию особой формой жизни и языковой игрой» [7, 54].

Маутнер: грамматический аспект мироотношения. Различные мироотношения, а также национальные и мировые религии подчас заметно различаются под углом зрения грамматического мироотношения. В общем виде языковые модели космовидения описаны австрийским философом Фрицем Маутнером [6, 515]. Как и Л. Витгенштейн, Ф. Маутнер находился у истоков «лингвистического поворота». Вот краткий перечень его идей:

- 1) в языке нет ничего, чего бы раньше не было в чувствах;
- 2) именно в языке — как границе мысли и медиуме — творятся картины реальности;
- 3) не бывает никакого чистого разума, а есть только языковой разум, представляющий собой «величественную общественную игру в познание»;

4) язык нельзя признать адекватным инструментом познания, он нуждается в критике и улучшении;

5) отношение между умом и миром есть отношение метафорическое и риторическое [9].

Вслед за Гумбольдтом Маутнер классифицирует картины мира по грамматическому основанию в соответствии с тем, что именно доминирует в языковой модели мира — прилагательное (свойство), существительное (вещь) или глагол (движение):

1) наши ощущения и восприятия выражаются такими прилагательными, как *твердый, зеленый, горький* и пр.; мир прилагательного («адъективный мир») — это мир сенсорного опыта, столь привлекательный для Локка и других материалистов-эмпириков;

2) мир существительного («субстантивный мир») есть вечный метафизический мир, сходный с Парменидовым «бытием»; его образуют абстрактные понятия вещей, сил, богов и духов, и ему отдают предпочтение рационалисты-идеалисты;

3) между адъективным и субстантивным мирами лежит мир глагола («вербальный мир»); он ориентирован на реальность, поиски смысла и ясное описание причин; этот мир импонирует тем философам, которые, подобно Гераклиту, видят в космосе вечный поток и становление.

Все три модели космовидения, по мнению Ф. Маутнера, дополняют друг друга [8, 61–96].

Выводы Ф. Маутнера можно применить, например, для различения менталитета иудеев и греков. Иудаизм ориентирован на вербальный мир — для иудеев первично действие. Многие предложения в Ветхом Завете начинаются со сказуемого, с глаголов (*И сказал..., Сошел Господь в облаке...* и т. д.); почти нет описаний лиц (Бога, Авраама и пр.) и предметной ситуации. Практицизм иудеев зашел так далеко, что они, не спрашивая зачем, предписали себе 613 поведенческих заповедей. Иудеи отрицали греческую созерцательность и метафизику, полагая, что знание есть действие (*И познал Адам Еву*): знать — значит быть единым с предметом; отсюда «вера без дел мертва» и спасение через веру предполагает действия.

Духу иудаизма присущ исключительно мужской символизм. Напротив, для древнегреческой религии и философии характерно внимание к субстантивному миру. Для греков первична вещь. Они стремились выяснить, из чего вещь состоит, членили ее на все более мелкие части, детально описывали окружающую обстановку, без конца множили метафизические абстракции. В грамматическом аспекте язык христианской религии представляет собой уникальный синтез иудейского вербализма с субстантивизмом неоплатоников, но, по-видимому, христианская теология наследует преимущественно эллинистическую грамматику космоса.

Лингвофилософские идеи Ф. Маутнера и Л. Витгенштейна, несомненно, плодотворны. Существует осязаемая потребность в дальнейшем углубленном историко-философском анализе этих идей.

---

1. Бэкон Ф. Новый Органон // Ф. Бэкон. Соч. : в 2 т. М., 1972. Т. 2.
2. Вежбицкая А. Понимание культур посредством ключевых слов. М., 2001.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / пер. Л. Добросельского. М., 2010.
4. Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005. С. 14.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. М., 1994. Ч. 1.
6. Грязнов А. Ф. Маутнер // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 2.
7. Кимелев Ю. А. Современная западная философия религии. М., 1989.
8. Черепанова Е. С. Философский регион «Австрия»: от теории предмета к экологической катастрофе. Екатеринбург, 1999.
9. Bredeck E. Mauthner, Fritz // Routledge Encyclopedia of Philosophy. L., 2007.

Рукопись поступила в редакцию 14 ноября 2011 г.

УДК 130.2 + 316.722 + 82'04(09)

О. Б. Ионайтис

ВЕНСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА Н. С. ТРУБЕЦКОГО

Статья посвящена философскому наследию известного русского мыслителя Н. С. Трубецкого. Особое внимание уделено венскому периоду его педагогического и научного творчества, лекциям по древнерусской литературе. В статье впервые рассматривается понимание Н. С. Трубецким древнерусской литературы через призму его философии культуры и истории цивилизаций.

Ключевые слова: евразийство, история цивилизаций, философия культуры, древнерусская литература, философия культуры.

Николай Сергеевич Трубецкой принадлежал к семье, давшей России целую плеяду блестящих философов, историков, языковедов, писателей. Это и Евгений Николаевич, Сергей Николаевич, Николай Евгеньевич, Владимир Сергеевич Трубецкие, чьи имена составляют золотой фонд отечественной интеллектуальной истории. Дед Николая Сергеевича, Николай Петрович Трубецкой, был одним из создателей Императорского русского музыкального общества, отец, Сергей Николаевич, — первым выборным ректором Московского университета. Сам Н. С. Трубецкой был известным мыслителем, литературоведом, лингвистом, культурологом, одним из вдохновителей такого идейного течения русской мысли, как евразийство, о чем достаточно много в последнее время написано. В своей статье мы остановимся на менее известной странице его творчества — на преподавательской деятельности в Венском университете и конкретно — на курсе по древнерусской литературе, в котором отразились основные положения его философии культуры.

Научные и философские интересы Н. С. Трубецкого сформировались еще в студенческие годы: лингвистика, философия культуры, историсофия. После окончания историко-филологического факультета Московского университета он служил в должности приват-доцента и вел активные исследования по сравнительному языкознанию. Одним из первых в своей научной практике он при-